

РУССКИЙ ЯЗЫК

УДК 811.161.1'28

<https://doi.org/10.23951/1609-624X-2022-3-75-87>

«Я СИДЕЛА У АКОШИЧКА, ПИСАЛА ВЕЧЕРКОМ...»: ЛЕКСИКА ЖЕНСКИХ ЗАПИСОК СТАРООБРЯДЧЕСКОЙ КОЛЛЕКЦИИ ТОМСКОГО СЕВЕРА

Лю Си¹, Галина Николаевна Старикова²

^{1,2} Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия

¹ liu.si644@yandex.ru, liu.si644@qq.com

² gstarikova@yandex.ru

Аннотация

Введение. Изучение русских старообрядческих говоров входит в круг востребованных современной русистики исследовательских задач, о чем свидетельствует научная литература и тематика многочисленных конференций последнего времени, где основное внимание отводится лексической проблематике.

Цель – анализ лексического состава старообрядческих бытовых текстов, созданных одним автором.

Материал и методы. Материалом настоящего исследования послужили 18 памятников бытового содержания (пасхальный дневник, разного рода записки, пробы пера и чернил, хозяйственные счета), исполненных на бересте и бумаге полууставом и скорописью. Записи выполнены в основном в третьей четверти XX в., предположительно одной рукой – общинницей одного из староверческих «поместий» на Томском Севере. Материал составляет 733 слова (3 367 словоупотреблений). В исследовании используется метод научного описания, включающий приемы наблюдения, классификации, интерпретации, контекстного анализа и количественных подсчетов, а также элементы лингвоперсонологического метода речевого портретирования и сравнительно-сопоставительного анализа с целью выявления гендерной специфики в словарных запасах двух языковых личностей.

Результаты и обсуждение. Анализ показал распределение словарного состава автора женских записок по грамматическим классам, их связь с представленными в текстах типами речи: в описании преобладают имен-ные части речи и слова категории состояния, в повествовании – глаголы ряда семантических групп (движения, конкретных физических действий и др.), их наречные актанты, в рассуждении – местоимения, глаголы эмоционально-психологических состояний. Исследование выявило наиболее частотную для данных источников лексику: *быть, день, ясно, снег, студено* и др., а также единично употребленные слова: *апостол, облачно, уснуть* и др.

В семантическом плане лексика памятников распределяется по двум крупным номинативным зонам: «Мир природы» и «Мир человека», в которых выделяется ряд подзон. В первой из них, наиболее представительной, вычлняются подзоны: «Явления погоды» (*туча, мороз, сырой, тихой застыть, дуть, облачно*), «Небесные тела» (*звезда, солнце*), «Элементы ландшафта» (*озеро, лес*) и др. Зона «Мир человека» включает антропонимическую (*Маничка, Стеня, сестрица, охотник, гостя, деушка*), соматическую (*сердце, десница*), лексику эмотивной сферы (*горе, слезы, несчастный, страдать*), производственную (*холст, ткань, рыбка*) и др. Номинативные зоны пересекаются друг с другом, например в подзонах «Животный мир» (*овсяночка, лось – петушок, щенята*) и «Время» (*ночь, осенью – праздник, преполовение*). Отдельной группой выделяется лексика религиозного дискурса, в том числе конфессионально маркированная (*отче, братец, отлучиться*).

В аспекте употребления лексика делится на общерусскую и областную. В последней выделяются этнографизмы (*морда, черым*), лексические диалектизмы (*мало-мало, чаять*) и местные варианты общерусских слов (*суда, вдале, веселый*). Часть лексики обнаруживает общность с лексикой дневника начала XX в., в котором отражен другой говор (*синочка, перевалки*), а часть не отражена в диалектных словарях вообще (*непись, ям*).

Заключение. 1. Выявленный словарный запас женщины характеризуется определенным разнообразием как в плане его тематики, так и в частеречном отношении, что позволяет считать ее языковой личностью (ЯЛ) с высоким показателем лексического разнообразия речи. 2. Это диалектная ЯЛ, территориально маркированная часть лексикона которой в целом соответствует лексической подсистеме местных прикетских говоров, но с сохранением следов прошлого инодиалектного влияния. 3. Эта личность может быть охарактеризована как религиозная ЯЛ с конфессионально маркированным словарным запасом.

Ключевые слова: старообрядчество, традиционная культура, лексика, конфессиональная языковая личность, эсхатологизм

Для цитирования: Лю Си, Старикова Г. Н. «Я сидела у акошичка, писала вечерком...»: лексика женских записок старообрядческой коллекции Томского Севера // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2022. Вып. 3 (221). С. 75–87. <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2022-3-75-87>

RUSSIAN LANGUAGE

“YA SIDELA U AKOSHECHKA, PISALA VECHERKOM”: THE VOCABULARY OF WOMEN'S RECORDS FROM NORTHERN TOMSK OF OLD BELIEVERS' COLLECTION

Liu Si¹, Galina N. Starikova²

^{1,2} National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation

¹ liu.si644@yandex.ru, liu.si644@qq.com

² gstarikova@yandex.ru

Abstract

Introduction. The study of Russian Old Believer's dialects is included in modern Russian studies of research problems, as proven by the scientific literature and the subjects of many recent conferences, where the main attention is paid to the lexical problems.

Aim and objectives. The analysis of the lexical composition of Old Believer household texts created by one author.

Material and methods. The object of the present study were 18 household manuscripts (Paschal diary, various notes, samples of pens and inks, household accounts), written on birch barks and papers in semi-uncial and cursive handwriting. Most of these records were made in the third quarter of the 20th century, presumably by an individual, who is a member of the Old Believer “estates” in the north of Tomsk. The material consists of 733 words (3,367 used). The study uses the scientific description method which includes methods of observation, classification, interpretation, contextual analysis and quantitative counts, as well as linguopersonological elements which include portrait of speech methods and comparative/collation analysis in order to identify gender specificity in the vocabulary of two linguistic personalities.

Results and discussion. The analysis showed the vocabulary distribution of the women notes by the author through grammatical classes, their relationship with the types of speech represented in the texts: The description is dominated by nouns and words of the state category, the narrative – verbs of several semantic groups (movement, specific physical actions, etc.), their adverbial actants and the discourse – pronouns, verbs of emotionally-psychological states. The study revealed the most frequent vocabulary for these sources: *byt'*, *den'*, *yasno*, *sneg*, *studenno*, etc., as well as words that were used once: *apostol*, *oblachno*, *usnut'*, etc.

Semantically, the lexicon of the manuscripts is distributed into two major nominative zones: “World of Nature” and “Human World”, which include a number of sub-zones. The first most representative one of them is sub-zones: “Weather phenomena” (*tucha*, *moroz*, *syroy*, *tikhoy zastyt'*, *dut'*, *oblachno*), “Heavenly objects” (*zvezda*, *solntse*), “Elements of the landscape” (*ezero*, *les*), etc. The Human World zone includes anthroponymic (*Manichka*, *Stenya*, *sis*, *hunter*, *guest*, *deushka*), somatic (*heart*, *hand*), emotive sphere (*gore*, *slezy*, *neschastnyy*, *stradat'*), industrial (*kholst*, *tkat'*, *rybka*), etc. vocabulary. The nominative zones overlap with each other, as in the Animal World sub-zones (*ovsyanochka*, *los'* – *petushok*, *shchenyata*) and Time (*noch'*, *osen'yu* – *prazdnik*, *prepolovenie*). A separate group is the vocabulary of religious discourse, including confessionally marked (*otche*, *bratets*, *otluchit'sya*).

In the aspect of usage, the vocabulary is divided into all-Russian and regional vocabulary. Regional vocabulary includes ethnographisms (*morda*, *cherym*), dialectal lexical (*malo malo*, *chayat*) and local variants of all-Russian words (*suda*, *vdale*, *veselyy*). A part of the vocabulary shows a commonality with the vocabulary of the diary of the early 20th century, which reflects a different sub-dialect (*sinochka*, *perevalki*), and another part is not reflected in the dialect dictionaries at all (*nepis*, *yam*).

Conclusion. 1. The revealed woman's lexical resource is characterized by a certain diversity both in terms of its topics and in terms of part of speech, which allows us to consider her linguistic personality (LP) with a high index of lexical diversity of speech. 2. This is a dialectal LP, the lexicon which are marked territorially. In general, they correspond to the lexical subsystem of local priketiskii accents with the preservation of their ancestor's past foreign-dialect influence. 3. This personality can be characterized as a religious LP with a confessionally marked vocabulary.

Keywords: *Old Believers, traditional culture, vocabulary, confessional linguistic personality, eschatology*

For citation: Liu Si, Starikova G. N. “Ya sidela u akoshichka, pisala vecherkom...”: leksika zhenskikh zapisok staroobryadcheskoy kollektzii Tomskogo Severa [“Ya sidela u akoshichka, pisala vecherkom...”: The Vocabulary of Women’s Records from Northern Tomsk of Old Believers’ Collection]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 2022, vol. 3 (221), pp. 75–87 (In Russ.). <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2022-3-75-87>

Введение

Лексический уровень представляет одну из наиболее интересных подсистем языка, содержащую его номинативные ресурсы (структурные, семантические), отражающие особенности мировидения народа – в силу своей подвижности (проницаемости и подверженности интерференции). Данный факт обуславливает стабильно высокий исследовательский интерес к словарному составу как языковой системы в целом, так и отдельных его подсистем, одной из которых выступает *старообрядческая лексика*.

Данный термин и содержательно близкие ему могут употребляться в работах в разных значениях, см., например, возможные варианты словников «Старообрядческого словаря», представленные в статье Г. Н. Стариковой [1, с. 46–57]. Во-первых, так называют конфессионально маркированные лексические единицы, т. е. отражающие прежде всего собственно религиозную сторону жизни данного сообщества. Примером такого типа исследований может служить диссертация Г. А. Толстовой, посвященная сакрально-богослужебной лексике в письменной речи Агафьи Лыковой, представленной группами православной (*молиться, крестить, канон, воскресенье, Покров*) и старообрядческой конфессиональной (*водание, лжеспособство, предстание, шестослужба, никонянин, единогласный*) лексики [2]. С. Е. Никитина называет ее конфессиональной и включает в нее не только «термины догматики, обрядовой жизни, прежде всего богослужения, наименования его участников, терминологию богослужебного пения... номенклатуру обрядовой пищи и одежды», но и традиционный ономастикон и такие слова, как *истина, мир, смерть, человек* и др., в значении которых могут проявляться доминанты модели мира данного сообщества [3, с. 431]. К ним примыкают работы А. В. Черных, посвященные названиям староверов и их согласий в народном типе языка [4, 5]. Во-вторых, старообрядческой называют лексику, свойственную речи представителей этой конфессии, противопоставленную общенародной – социальной (т. е. конфессионально) и территориально ограниченную, что обычно соответствует принципам отбора лексики в словари, называемые старообрядческими [6–8]. В-третьих, при максимально широком понимании термина последний подразумевает лексику, свойственную речи старообрядцев, в том

числе общеупотребительную [9], что характеризует словарный состав народного типа языка в целом, отдельных его говоров, социолектов или идиолектов.

Реальная исследовательская практика демонстрирует и более частные случаи толкования этого термина, не укладывающиеся в названные выше три. Так, О. Г. Ровнова, представляя проект словаря говора старообрядцев Южной Америки, предполагает включение в него лексических диалектизмов, диалектных вариантов общерусских слов (*ейный, муравятник, твердить, прощаться, свекруха*), конфессиональной лексики (*святенья, согласие, стоять на правиле*), антропонимов (*Игнатьевичи, Давыдыха*), фразеологизмов, пословиц и поговорок, заимствований из языков стран проживания (*аренда, эвкалипт, жунгля, макаки, патент, форест* и др.) [10, с. 194–196]. Широко общенародная лексика входит также в словарь говоров староверов-поморцев, проживающих в трех странах Балтии, Е. Е. Королевой (*авоська, агитатор, баишлык, билетёр, вражда*) [11]. Полагаем, что именно учет всех ресурсов лексической подсистемы дает полное представление «о целостной культуре, где переплетено профанное и сакральное или мирское и духовное» [3, с. 431]. Не случайно Г. А. Толстова, чье исследование построено на конфессиональной лексике, в идиолектный словарь включила уже весь языковой материал 99 писем А. К. Лыковой [12].

К настоящему времени старообрядоведение располагает значительным количеством лексикологических исследований. Среди них работы, посвященные лексике старообрядческих говоров таких регионов, как Забайкалье [13–15], ряд районов Прибалтики [16], Сибири [2, 17], Прикамья [4, 5, 18], Приамурья [19, 20], Дона (казаки-некрасовцы) [21, 22], Урала [23, 24] и некоторых других. Стабильно высокий интерес лингвисты проявляют и к речи староверов в условиях дальнего зарубежья [25–27], а также возвращенцев – старообрядцев-реэмигрантов [28]. Работы различаются объектом описания (фразеология [18], староверческий антропонимикон [26], лексика пищи [20], экспрессивные [15], архаичные единицы [14], лексика иноязычного окружения [29]).

Логическим продолжением семантических исследований лексики выступает ее лексикографирование – не случайно материалом этих типологически разных словарей становится номинативный

состав наиболее активно изучаемых говоров [6–9, 11, 12, 30, 31]. По результатам гранта РФФИ (руководитель проекта А. В. Черных) подготовлен к изданию «Словарь лексики и фразеологии старообрядческих говоров Пермского края»¹.

Все сказанное обуславливает актуальность нашего обращения к данной проблематике. Его цель – анализ лексического состава старообрядческих бытовых текстов, созданных одной из общинниц.

Материал и методы

Так называемая Заимочная старообрядческая коллекция, основная часть которой хранится в настоящее время в Томске в фондах Томского областного краеведческого музея (ТОКМ) и Научной библиотеки ТГУ, была сформирована в ходе археографических экспедиций в 1980-х и 1990-х гг. на север Томской области – в районы бывшего Нарымского края. В ее состав вошли разножанровые тексты четьей и служебной литературы (жития, поучения, слова, выписки из трудов отцов церкви, евангелия, тропарь, месяцеслов, отдельные молитвы и др.), а также ряд оригинальных памятников бытового содержания: дневники, личные записки, письма, рисунки с подписями, счета снесенных курами яиц с поименованием клочки каждой, пробы пера и руки, перевод буквенной цифири в порядковый счет и др., исполненные на бумаге и бересте. В самом объемном из них (36 бумажных листов; ТОКМ, е.х. 7372), так называемом островном летописце (ОЛ), мужчина-севернорус в коротких подневных записях отразил погоду и хозяйственную деятельность общинников за 1915–1923 гг. Содержание же других бытовых записей подсказывает, что их авторы – женщины (три-четыре почерка), что дает основание называть их *женскими записками* (ЖЗ).

Из них к настоящему исследованию привлекались тексты, с большой степенью вероятности созданные Натальей Федоровной Коноваловой, предположительно внучатой племянницей автора ОЛ, и исключались письма, записки, явно адресованные ей, что позволяет характеризовать лексику как словарный запас отдельной языковой личности (ЯЛ). Наибольший интерес из них вызывает берестяная «Книга пасхальная» (КП), хранящаяся в Институте истории СО РАН (е.х. 2/92, г. Новосибирск), объем тетради – 14 листов, 1956–1975² гг. Ее название подсказывает, что она содержит записи за праздничные недели каждого из указанных лет, в которых отмечаются: дата Пасхи, погода и визиты этих

дней, которые дополняются краткими сообщениями о важнейших событиях года. Некогда единое целое с КП составляли разрозненные листы и небольшие тетрадки с подобными текстами за ряд других лет (1941, 1949, 1950, 1951, 1956) из собрания ТОКМ (е.х. 12676/33–12676/36, 7106). Содержательно близко к ним сообщение 1980 г. о смерти отца женщины (ТОКМ, е.х. 12676/31). Тексты разновременные, отражающие различные этапы освоения грамотности пишущей – от детского со вставками глухих гласных (преимущественно на месте былых редуцированных) в коротких разрозненных записях, которые еще можно воспринять как черновики КП, до осмысленного взрослого письма в берестяной книге. Всего к исследованию привлечено 18 источников оригинального вида, более полное представление о которых можно составить по работам [32, 33]. Согласно классификации С. И. Коткова, их можно охарактеризовать следующим образом: по внешнему образу – читаемые, написанные, по происхождению – первичные, объективно сложившиеся, рукописные, по типу письма – преимущественно полууставные, частично – скорописные [34, с. 9–10]. Цитирование источников в статье происходит по правилам оптимизированного для чтения воспроизводства текста – с использованием только современных графем, заменой буквоцифр арабскими цифрами, введением заглавных букв и знаков препинания, раздельного написания слов.

В привлеченном к исследованию материале зафиксировано 733 слова (3 367 словоупотреблений (с/у))³, в анализе которых использовался метод научного описания с приемами наблюдения, классификации, интерпретации, контекстного анализа и количественных подсчетов, дополненный элементами метода речевого портретирования и сравнительно-сопоставительного анализа – при выявлении гендерной составляющей словаря данной профессиональной языковой личности.

Результаты и обсуждение

В частеречном отношении лексика анализируемых памятников представлена в таблице.

Вполне ожидаемо высокую частотность имеют служебные слова: сочинительные союзы *и* (151) и *а* (79), частица *не* (64), предлоги *во* (49), *на* (42), *со* (38). Наиболее употребительными из знаменательных слов, по данным источникам, в лексиконе женщины являются слова *быть* (143), *день* (112), *Пасха* (80), *ясно* (69), *год* (66), *я* (57), *весь* (49), *снег*, *студено* (46), *так* (45), *писать* (40), *тепло* (38), *ходить*, *ето*, *этот* (37), *мы* (35), *еще* (32), что объясняется содержательностью записей. 402 слова

¹ См. сообщение от 07.12.2021 «В Перми издадут старообрядческий словарь» на сайте «Русская вера (Руская вѣра)»: <https://ruvera.ru/news/>.

² В тексте указаны 1964–1983 гг. – в соответствии со старообрядческим порядком летоисчисления.

³ В подсчетах не учитывались числительные, количественные и порядковые, выраженные буквоцифрами или (единично) цифрами.

Лексический материал ЖЗ в грамматическом аспекте

Источник	Количество	Часть речи											
		Всего	Существительное	Глагол	Прилагательное	Наречие	Местоимение	Категория состояния	Числительное	Вводное	Предлог	Союз	Частица
КП	с/у	2249	729	408	131	186	173	120	49	4	137	242	70
	слов	438	172	101	35	54	21	9	15	1	13	10	7
Другие ЖЗ	с/у	1119	329	220	68	90	99	51	59	1	73	67	61
	слов	447	172	83	39	44	25	7	45	1	15	5	10
Всего	с/у	3367	1058	628	199	276	272	171	108	5	210	309	131
	слов	733	295	159	66	81	28	11	54	2	15	10	12

имеют частотность, равную 1 (*апостол, великомученик, вечерня, высокос, горько, добро, евангелист, золотой, июль, кое-где, молодость, морозный, ничуть, облачно, печаль, посветле, развиваться, себя, следок, уснуть, четырнадцатый, худо* и др.), что выявляет потенциал женского лексикона, который мог бы проявиться более полно в других коммуникативных условиях.

Такие характеристики речевых произведений, как лексический состав, их содержание и тип речи, носят, несомненно, взаимосвязанный, а во многом и взаимообуславливающий характер. Последняя из них во многом определяется частеречной принадлежностью используемой в тексте лексики. Так, предназначение КП и близких ей по содержанию записей обусловило преобладание в них описания: *Б[ы]ла ясына и тепло, курочки бегали на ульчюки* (ТОКМ, 12676/35); *1964 г[о]да была Пасха апреля 8. 1й день был ясный, веселый, студеный* (КП: л. 1). Показателями описания служат:

1) преобладание в составе лексики существительных (40% от общего словника): *был гром и дождь* (КП: л. 05); *а Фомино воскр[есе]ние весь д[е]нь был мрак, какая-та мгла* (КП: л. 6 об.), *ясно и тепло, много дыму нанесло* (КП: л. 9); *мы жили 1ю (первую) весну на новом месте в сестриной избе* (ТОКМ, 7106: об.);

2) разнообразие по тематике прилагательные, выражающие признаки описываемых реалий (*небо ярко, дождь большой, места любезная*): *би число, Троица, еще голыи лес, тепла не бывало* (КП: л. 8 об.); *день был ясный, т[и]хои, но студенаи; вся пасха севодня студена, ведрена* (ТОКМ, 12676/36); *мрак и перевалки снежныя, мало было видать солнце* (КП: л. 4 об.);

3) высокая частотность употребления слов категории состояния в ЖЗ (171 с/у, 11 лексем): *стала мырачна и тепло, но неш[и]пко* (ТОКМ, 12676/34: л. 2); *а последни[й] д[е]нь пасхи ясно, тихо и тепло* (КП: л. 13 об.); *5[-й] день праздничной недели тоже ясно, тихо, студено* (КП: л. 11 об.);

4) наличие группы глаголов состояния, в том числе безличных: *а под вечер заморочало* (КП: л. 8), *а Фомино воскресенье заморозило* (КП: л. 4 об.);

4й день ясно, студено, застыло крепко, весь д[е]нь не тало (КП: л. 3); *березнички одеваются, и трафка зеленеет* (КП: л. 9 об.).

Более редкое для ЖЗ повествование отражает события в указанный период, акцентирует внимание на том, кто и когда приходил в гости, что нового появилось за последнее время. Например: *У миня гастила деушка Маня, вечером ушл[а]* (КП: л. 1); *дывесыти иичикь ровына сынисыли курочки, щитала на Пасыхи в читьверытыи д[е]нь вечерочикамь <...> я была ф 15 годе, перывый готь училися ткать* (ТОКМ, 12676/35).

Событийность обуславливает глаголам центральное место в повествовании, чаще в форме прошедшего времени, как в прозвучавших примерах. Особо востребованы в ЖЗ а) глаголы движения, отражающие перемещение субъектов действия в пространстве: *Всяки пташачки налетели и разна запели* (ТОКМ, 7106); *этот годь она кь нам перехала жить марта 30* (КП: л. 7 об.); *ходят курочки на улачке – которы ходят, а которы ползают* (КП: л. 8); *июля 25 проходила здесь машина* (КП: л. 11 об.); б) размещения, пребывания: *седели на завалиныки у куричий избушки* (ТОКМ, 12676/33); *вторую пасху я одна проводила, никуда ни ходила и ка мне никто ни бывал* (КП: л. 4 об.); *пожилъ после своей старицы 4 года и два месеца* (ТОКМ, 12676/31); *а я ушла в гости к Праксеюшке, там ночевала* (КП: л. 2); в) глаголы конкретных физических действий: *пряли на десить пасамь* (ТОКМ, 12676/34: л. 3); *наши ушли на езеро рыбачить на всю весну* (КП: л. 5).

Значимы для повествования и наречные актанты: *там, здесь, суда, под вечер, недавно, шипко, разна* (по-разному) и др.: *еле ходиль, боленъ, ни питалса ничиво* (ТОКМ, 12676/31); *а я осталася одна кругомъ* (КП: л. 3 об.); *я ходила в гости и едва пришла – везде разлилася вода* (КП: л. 14), *распрасти[ла]ся навсегда, з базы хочит уижать* (КП: л. 5 об.); *там ночевала, утром рано пришла* (КП: л. 2) и др. Поскольку числительные придают пространственную и временную определенность окружающему миру, их употребление свойственно как описанию, так и повествованию, ср.: *Пасха*

была нонча апреля 16 (ТОКМ, 12676/34: л. 1); а я эту весну рыбачила на Северном, добыла 12 шукъ (КП: л. 10 об.).

Рассуждение относится также к менее востребованному типу речи в дневнике, чем описание: чаще всего в конце пасхальной недели автор подводит итоги праздника или выражает свое отношение к жизни и ощущения по поводу предчувствия ее ближайшего конца. Например: *И так прошли веселья праздники, и так я одна их проводила, а другую пасху встретить придется или нет* (КП: л. 5 об.); *Фомино воскресие проводила, Пасху проводила, праздники, до другой доживу или нетъ – един Гсдь знат* (ТОКМ, 7106) и т. п. Структура умозаключения, наличие риторических вопросов, представленных в этих записях, свидетельствуют именно о рассуждении, как в случаях с пересказом сна или пробой пера и чернил: *[болт]уша наболтать, все болтатъ, [не зр]я [вар.: меня] балтушаи празвали* (ТОКМ, 12676/29); *так я живу, век проживаю, а писать не знаю, зачем так на свете жить... где маи годы <мой?> маладыя, где-та оне улетели, далека те и боли ни вернуца* (ТОКМ, 12676/27). Из грамматических классов слов, специфичных для этого типа речи, возможно выделить, пожалуй, лишь местоимения: *Писала я сразастроинаю Ванечкою. Атчиво **ана** была разастроиная, но кемь только **ана** б[ы]ла успокоиная, а никемь – кемь успокоишь, только больши разастроиши. И зачем жа я только на белаи светъ радилася?* (ТОКМ, 12676/34).

В аспекте семантики лексика ЖЗ распределяется по двум крупным номинативным зонам: «Мир природы» и «Мир человека», которые в свою очередь подразделяются на ряд подзон. В первой из них, наиболее представительной, вычленяются подзоны: «Явления погоды», «Небесные тела», «Элементы ландшафта», «Животный мир». Так, погоду представляют существительные (*черым, мороз, лед, мрак, облак, мгла, ветер*), прилагательные (*восточный, сырой, тихой*), глаголы (*застыть, заморозить, растаять, дуть*), наречия (*крепко, много, ярко*) и слова категории состояния (*облачно, постудене, холодно*). Некоторые иллюстрации: *Мрак и ветеръ, не шипко тепло, снегу еще много, только чють плешинки кое-где* (КП: л. 3); *крепко заморозило, весь день не таето* (КП: л. 6 об.); *плохо было ити, ледь проламвался* (КП: л. 7 об.); *была ведра, но ни шипка* (ТОКМ, 12676/35); *мело снег... стужа... студено, окны застывали... не было ни снегу, ни дождя, вся была ведрена весна* (ТОКМ, 12676/36); *потом зашла туча, был гром и дождь* (КП: л. 5); *но погода невеселая* (КП: л. 11 об.). «Небесную» подзону выражает следующая лексика: *Проявилась новая звезда с лучами, ниизвесно что изобразует* (КП: л. 1); *сол-*

нце садилоса, и студено (КП: л. 4 об.); *время возврата солнцу* (КП: л. 9). «Элементы ландшафта» включают существительные типа *езеро/озеро, реченька, лес, остров, беречничек, осинник, поле, вода, травка* и соответствующие их синтагматике слова: *голый лесъ* (КП: л. 12 об.); *мы собираемса ити сееть на речинку на места любезная* (ТОКМ, 7106 об.); *первои годъ живем на новом месте на острову в вершине Пайдуги в новой избе* (КП: л. 1); *мы с очей ходили на озеро, увозили морды* (КП: л. 11); *на полях еще было много снегу* (ТОКМ, 12676/36: л. 2 об.); *только начал одеватся лесъ и сходили хлеба* (КП: л. 7). Лексика фауны составляет небольшую группу, в которой наряду с дикой живностью представлена и домашняя: *братец Стефа[н] были, лося добыли – ходили на лыжах по воде* (КП: л. 7); *прилетели синочки и овсяночки* (КП: л. 12); *на раздоли на паях сидят птички на дривах* (надпись к рисунку с птицами на ветках двух деревьев – ТОКМ, 12676/8); *цыпушьки вышьли 2 май* (ТОКМ, 12676/32); *этот год был Петя, привесь пару курочек и щенят* (КП: л. 13). В записках о снесенных курами яиц приведены их клички: *Буриха, Бусинка, Жалтинка, Золка, Красотка, Малютка, Овсянка, Пирипелка, Пирунька, Сяпка, Тетерька, Хахлушка, Ц[е]сарка, Чюбарка* (ТОКМ, 12676/6), *Гусачка, Кокушечка, Синочка, Утка* и др. (ТОКМ, 12676/4), часть из которых представляют названия пернатых природного мира.

Зона «Мир человека» включает прежде всего названия людей. Они представлены: а) антропонимами – *еще Маничка пришла* (КП: л. 2); *была у нас Праксеюшка в гостях* (ТОКМ, 7106 об.); *этот годъ были Валодя, Дуся, Шура, Витя* (КП: л. 2 об.); *еще Петя Воинов, Артемии Зайцев* (КП: л. 4 об.); *Акилина Михаиловна* (ТОКМ, 12676/36: обложка); б) названиями по родству, близости воззрений: *была эта мама, а хресна спала, маму ни видала* (ТОКМ, 12676/29); *отец ходил к брату Стефану* (КП: л. 4 об.); *братец Стефан, сестрица Евдокия* (КП: л. 02); *пожилъ после своей старицы 4 года и два месеца* (ТОКМ, 12676/31); *мы з браша (с братом?) Матфеемъ хадлі на ямъ (Ям?)... Дуся с сыном Сержеаи* (ТОКМ, 12676/36: л. 4); в) прочими – по роду занятий, статусу, др.: *этат год были ахотники* (КП: л. 1); *в ту весну долго жили Дуна (Дуня?) с промышленики* (ТОКМ, 12676/36: л. 3 об.); *абратна к себе госью привела* (КП: л. 1); *где жа эта деушка маладая, где жа ана милия?* (ТОКМ, 7059); *эту зиму здесь было много народ[у]* (КП: л. 12 об.); *болтуша наболтать, все болтатъ* (ТОКМ, 12676/29: л. 1 об.).

Небольшая группа представлена соматической лексикой: *а онъ болел, болели ноги, никуда ни ходиль* (КП: л. 9 об.), *сини чернилы добры, но руки...* (КП: л. 1); *эта я писала больнои ручинькой* (КП:

л. 12); *и такъ мое сердце вецует, что последню весну все живем, а боли другой не стретить, не жить, а только плакать* (КП: л. 9 об.), *прашли юнаи гадочкики етемь ручькамъ* (ТОКМ, 8621/1–1335). С ней сближена лексика, называющая чувства, состояния: *Начинаю писать о своемъ горе... и такъ я, несчастная, осталася одна, день и ночь страдаю и горькія слезы проливаю* (ТОКМ, 12676/31); *а мне велика печаль – дорогая голубочка пострадала* (КП: л. 6 об.); *болею, болят руки и ноги* (КП: л. 14 об.); *Бога ради терплю ече смирение* (ТОКМ, 12676/22); *ане жалабную песнь поют, скужу сердцу придают* (ТОКМ, 12676/8); *б[ы]ли маладыи, а теперъ састарерись* (ТОКМ, 8621/1–1335). Эсхатологизм, признаваемый как одна из важнейших черт этого конфессионального сообщества, проявляется последней группой ярче всего.

В отличие от ОЛ, где старец регулярно указывал занятия прошедших дней, в ЖЗ представлено немного названий видов деятельности. Их практически нет в КП, так как праздничная неделя не допускала серьезных хозяйственных работ, поэтому к следующим действиям понятие деятельности неприложимо: *У миня гастила деушка Маня* (КП: л. 1); *отче к им ходил обедал* (КП: л. 8 об.); *с[ест]рица Анна там ночевала, в субботу вечером пришла* (КП: л. 9 об.). Среди собственных дел женщина указывает: *А я писала Олге на Христов день поучение и на Фомино воскресение* (КП: л. 1); *а я нонешнюю Пасху просидела дома, писала повесть Алексея* (КП: л. 8); *ходили в осиник по дрова* (КП: л. 11); *маленько рыбки принесла* (КП: л. 3). Чуть шире круг деятельности в других ЖЗ: *Я ткала последни холысть* (ТОКМ, 12676/35); *переплетала книгу Послании Тимофеевы* (ТОКМ, 12676/36: л. 3); *шила шиснадисить листов книгу малинькаю* (ТОКМ, 12676/14). Соответственно, орудия и продукты деятельности тоже редко упоминаются в записях: *не пишет поправлено перо, черкать только... проба пера и чернил, пишет худо* (ТОКМ, 12676/36: л. 1); *мы ходили на озера, лотку возили* (КП: л. 2); *самагонку надумашь гнать, я тожа ни откажуся* (ТОКМ, 7059); *летом были Валодя с Сеняи, вазили орехи* (КП: л. 4 об.). С производственной связана так называемая «мерная» лексика: *была у миня 19 пасамъ, я наснавала 4 палустенька са столбикам, и у миня асталося 2 пасмы большихъ* (ТОКМ, 12676/34: л. 2); *[?] лактя б[ы]ла халыста* (ТОКМ, 12676/35: л. 2 об.); *недавно выпало снегу четверть* (КП: л. 12 об.); *ржы пидьдисять ведеръ* (ТОКМ, 12676/26).

Выделение подобных семантических групп во многом носит условный характер, так как они пересекаются друг с другом, как было показано на примере подзоны «Животный мир». Также срединное положение между «Миром природы» и «Ми-

ром человека» занимает подзона «Время», так как оно может быть природным (*зима, осенью, утром, ночь, вечером*) и социальным (*декабрь, июль, месяц, неделя, понедельник, праздник, Благовещенье, преполовение* 'середина Пятидесятницы, 8 дней между праздниками Пасхи и Сошествия Святого Духа'). См.: *Утром на рассвете был снежок* (КП: л. 2); *с полдня стало ясно, студено* (КП: л. 6); *Нонешнюю зиму жила здесь Дуся до Великова поста, а летом были Валодя с Сеняи* (КП: л. 4 об.); *24 число, Троица* (КП: л. 12 об.); *этот годъ в Алексеев день я с Оличкой расталася, наверна, навсегда* (КП: л. 2 об.); *писала в Николу* (ТОКМ, 12676/36, л. 2 об.); *а оче приходил в Вербно воскресния и на Пасхе в понедельник* (КП: л. 6).

Значительное место в словнике ЖЗ занимает группа, которая в начале статьи обозначена как старообрядческая лексика. Эта подзона представлена тремя разрядами номинативных единиц:

1. Лексика православного дискурса (*Бог, Господь, сын Божий, апостол, ангел, Христов день, Пасха, Вознесение, Фомино воскресенье, Георгий, повесть Алексея, псалтырь, хресна* и др.): *Еще Г[оспо]дь повелел дожить до Пасхи всем* (КП: л. 11 об.); *ушли в Благовещение домой* (ТОКМ, 12676/36: л. 3 об.); *ангели божии... Гсди Исе Хрсте сне Бжии, помилуй насъ... милостиве Господи, спаси и сохрани и помилуй раб своих Анну и Наталию* (ТОКМ, 12676/32).

2. Церковнославянизмы, характеризующиеся формальными признаками старославянизмов, архаикой, принадлежностью к высокому стилю с позиций современности (*един, езеро, глаголить, глава, мраз, ночь, паки, житие, поучение, смирение, безгневие, десница*): *1 мая был снег и мразъ и 3 дня не таел* (КП: л. 8 об.); *во снi глаголю: хресна, ля ка усни...* (ТОКМ, 12676/29); *днь и ночь страдаю... не знаю, какъ жить и куда свою главу приклонить* (ТОКМ, 12676/31); *Аньна, деръжи молчание и безъгневие, посылушание* (ТОКМ, 12676/23); *этот год генваря 20 погубила десницу свою* (КП: л. 12).

3. Конфессионально маркированная лексика: *отче* – о наставнике общины (поместья), *старица* – о его жене, *братец, сестрица, братия* – о единоверцах, а также *отлучиться* как 'отделиться; выйти из общины' (возможно, в силу религиозно-обрядовых разногласий?) – *этот год Маничка ушла, миня адну оставила, и ат братии мы отлучилися* (КП: л. 3 об.); *отойти* и *оставить* 'то же, что отлучиться?' 'отринути старообрядчество, стать вероотступником?' – *этот год февраля 15 отошла от нас сестрица Васса, нас оставил Миня* (КП: л. 7); *//умереть? – 3-го числа отошла сестрица Мария, насъ оставила, а мы еше пока живем все трое* (КП: л. 9). То же – *получить смерть: 1968 года*

2 апреля получила Дуся смерть. Осинью пришло Петя и все об этом сказал (КП: л. 5). В этом же значении – скончать житие: и по Пасхе во вторник 5 недели 23 апреля Георгія вечером сканчалъ свое житіе на восемьдесят девятымъ году (ТОКМ, 12676/31).

В употреблении подобной лексики видятся такие идентифицирующие качества данного сообщества, как традиционализм, обостренное самосознание. Еще одно качество – маргинальность, понимаемое как замкнутость, отчужденность по отношению к «ненашим», заставляющее старообрядцев наряду с причинами хозяйственного порядка менять местожитительство, также проявляется в ЖЗ: *первыи годъ шили (так!) на нов[о/ы]мъ месте* (ТОКМ, 12676/33). Физическое пространство «пустынныхиков» маркировано немногочисленными существительными: *писала у акошичка Фомино во[скресение]* (КП: л. 3 об.); *сестрица Вася с Марфай седили на завалиныки у куричий избушки на Пасхи; мы жили 1-ю весну на новом месте в сестриной избе; я писала в онбаре пот крышкой вечером [в] Фомино воскрніе* (ТОКМ, 7106). Замкнутость носит относительный характер: *этот год нехто в эту старонку не бывал* (ТОКМ, 12676/36: л. 4). О существовании чужого мира и контактах с ним свидетельствуют также записи: *1 апреля еще заехали гости последнія, и все уехали трахтара и машины* (КП: л. 12 об.); *этот годъ здесь летали самалеты и верталеты, привезли петушка и пар[у] курочек* (КП: л. 14). Вместе с тем в КП глухо отражены конфликты и в среде общинников, что выражается сообщениями о том, что праздник женщина встречала и провожала вдвоем с отцом (л. 9 об.), что они *отлучились от братии* (л. 3 об.). На разногласия может указывать отстраненное *оне* в обозначении старообрядцев, как в случае с ОЛ: *Оне к намъ приходили* (КП: л. 10), причиной чему могли быть допускаемые последними уставные послабления мирским новшествам, ср.: *Мы все ходили в гости къ Стефану. Там играло радио – этот год Петя в гости прилеталъ* (КП: л. 10).

Как показал материал, основу словарного запаса женщины составляет общерусская лексика: *а зимой в феврале самалетъ 3 недели леталъ* (КП: л. 2 об.); *снегу было много, ходили на лыжах везде* (ТОКМ, 7106); *...у меня цветок красивый на платок* (ТОКМ, 12676/27: об.) и др. Группа областных слов представлена безэквивалентной лексикой (*туесочек* – сосуд из бересты цилиндрической формы, *морда* – плетеная из прутьев ловушка для рыбы, *вѣдро* – ясная погода без осадков, *вечеровать* – проводить вместе вечер за работой, *пачесь* – волокна льна после чесания, идущие на пряжу, *пасм/пасма* – единица измерения пряжи; моток в определенное количество нитей, *черым* – плотный верхний слой

снега, *заморочать* – покрываться туманом, тучами – о небе, *бердо* – деталь ткацкого станка и др.) и лексическими диалектизмами (*девятыдесят* = девяносто, *ведренный* = погожий, солнечный, *чаять* = предполагать, *кого* = что; почему, *за то что* = потому что, *отче* = наставник, *мало-мало* = чуть-чуть, *шибко* = очень, *по* = за): *Мы с отчей ходили на озеро, увозили морды* (КП: л. 11); *на черым напаль снежокъ* (КП: л. 1); *у миня асталося 2 пасмы большихъ, было у нас 55 пасмавъ пачисей, мы на снавали 3 палустьенка въ 10 бирдо; какъ есь пряжа, аснова нисколь ни асталаса, пряли на десить пасамъ* (ТОКМ, 12676/34: л. 2–3); *никогда не чаела, а еще Гос[по]дь своим милосердием повелелъ дожить до Пасхи* (КП: л. 13 об.); *а я ходила по рыбу* (КП: л. 9 об.).

Из формальных вариантов общерусских слов, диалектных и просторечных, выделяются фонетические (*нонче/нонча, нонешной, осьмой, Рожество, седьсотъ, суда, топерь/таперя, тама*), в том числе неосвоенные неологизмы (*трахтора, радио*), грамматические (*облак, поздный*), словообразовательные (*вдале, куричий, направить, синочка*): *Что топерь делать?* (ТОКМ, 12676/36: л. 2 об.); *таперя мама приходитъ* (ТОКМ, 12676/29); *студеный день, нисколь ни таело* (КП: л. 1); *вдале слышно было громъ* (ТОКМ, 7106); *Хресна... пишеть ну тама* (ТОКМ, 12676/29); *пред Рожествомъ (так!) Хрствмъ б[ы]ли мырачны дни, Рож[е]ство б[ы]ла ясна* (ТОКМ, 12676/34: л. 1); *перо другое ново... мало мало пишет непотребно, не знаю, какъ направить* (ТОКМ, 12676/36: об. обложки); *настоящее тепло, прилетели синочки и всяки пташачки* (КП: л. 6 об.). Примерами семантических вариантов общерусских слов могут служить *остров* – участок леса, обособленный по своему ландшафтному положению, *северный* – холодный, ветреный, *весѣлый* – погожий, солнечный, *ничего совсем, отлучиться, отойти* и некоторые др.: *И вся пасха северна, студеная, ведренная* (ТОКМ, 12676/36: л. 4); *ясныи и веселый был д[е]нь великом [у]чен[и]ка Георгия* (КП: л. 9 об.); *ни питалса ничиво* (ТОКМ, 12676/31); *и писим нет ничиво* (ТОКМ, 12676/36: л. 4).

Большинство из них зафиксированы в томских диалектных словарях Среднего Приобья [35–37] и соответствуют лексике местных прикетских говоров (*анбар, вещевать, заморочать, нисколь, нонче, поздный, суда, черым, шибко* и др.). Часть лексики, отсутствующая в них, обнаруживает общность с лексикой ОЛ: *синочка* – «синица»; *перевалки* – о снеге, идущем с перерывами, как нар. *перевалками прерывисто, с перерывами* (*мрак и перевалки снежныя, мало было видать солнце* – л. 4 об; *весь день снегъ перевалками* – л. 10). а также *веселый, Рожество* и др. Эти два дневника также связывает

обилие форм субъективной оценки: *бочок, ведрышко, кухточка, облачек, скворчик, солнышко, шибокньо* (ОЛ) и *весточка, денечки, голубочка, маленько, окошечко, Олечка, ручка, следок* (КП), что можно отнести к проявлению личностного конфессионализма как утверждение благостности мира пустынножителей, находящихся в гармонии с природой. Л. Н. Приль называет это качество скрытой полемичностью старообрядческих текстов [38, с. 152], см.: *На озере утки плавают, и косачи токуют, и мы ездим* (ОЛ: л. 15) и *Прилетели синочки и овся [ночки], а мы с отчей снег метали в погребь* (КП: л. 12).

Особый интерес вызывает лексика, не отмеченная диалектными словарями, хотя единичность и краткость контекстов, в которых они употреблены, затрудняют их квалификацию. Одно из таких слов – *браш(-а?)*, которое встретилось 2 раза: *мы ходили в гости с сетрицаи Марфой к брашу Стефану* (ТОКМ, 12676/36: л. 3 об.); *мы з браша Матфеємь хаділі на ямь, был празнікь нібальшой* (ТОКМ, 12676/35: л. 2). Если это не описка, данную форму можно соотнести с *брашень*, отмеченную как псковское в значении двоюродный, троюродный брат, а также, возможно, родной [39, т. 2, с. 168]. Единичное *ям*, если это не микропоним *Ям* (указывающий, напр., на расположение поселения на бывшем почтовом тракте), возможно, следует соотнести с *ямка, ямки* ‘кладбище, могильник’ (псков., твер.) [40, с. 313]. Хотя это может быть, вероятно, и обозначение *ям(-а/-ы)* – ‘оврага, водной промоины в земле, места, где некогда жгли угли или курили смолу и подоб.’ [40, с. 313].

Еще одна загадка связана с плохо читаемой частью глагольного слова: *Что топерь делать? Писать нечево, читать не знаю ково. Однако з[а] клювать петушка от нечево делать* (ТОКМ, 12676/36: л. 3). Предположительно, это фразеологизм в значении ‘перекусить’ (ср. *заморить червячка*), хотя ничего похожего в областных словарях обнаружить не удалось, как и следующего выражения из берестяной записки: *Шито ты сказала, с какои неписи дагадалася, я ни знаю, правда или неть* (далее неразборчиво) (ТОКМ, 7059). Ольга Геннадьевна Ровнова в частном разъяснении написала: «Это самое любимое и скандальное. Связывать с *писать* было бы неправильно, хотя заманчиво. Дескать, старообрядческая культура – книжная и письменная, поэтому „пись“ (грамотность, умение писать – хорошо, а „непись“ – неграмотность, серость, недостоверность, слухи и под. – плохо, и отсюда негативная оценка; у Даля есть *пись* почерк’, и всё!). Уверена, что здесь бранное „с какой

такой непи...ди“». Фонетическое объяснение такое. Говор севернорусский в основе, а в северных говорах в словах, имеющих на конце сочетания [ст], [с’т’], конечный согласный не произносится, то есть по[ст]ы, но по[с], гво[з’д’]и, но гво[с’]. Здесь орфографическое *непис...* с мягкими глухими на конце произносится как *непи[с’]*. Произношение [с’] в позиции перед гласной (должно бы звучать [з’д’и]) можно объяснить как результат „забвения“ внутренней формы слова, то есть значения корня, и своего рода гиперкоррекции: если в им. п. [с’], то и в остальных (ой) – тоже. Плюс фразеологизация выражения, ср. бран. „с каких х...в“. Многие лингвисты, профессионализму и языковому чутью которых я безусловно доверяю, согласны с такой трактовкой». По цензурным соображениям подобная лексика словарями не отражается, но фонетически данная версия подтверждается, хотя в материалах ЖЗ подобное упрощение групп согласных возможно только в положении перед гласными (ср. в КП *ниизвесно* (л. 1), *празники* (л. 2 об.) и *дождь* (л. 3), *пусть* – доп. л.). В речи автора ОЛ, явного северноруса, эта черта отражена многократно: *дошь* (л. 9), *пресь* (прясть) (л. 29), *холс* (л. 24).

Дополнительных разысканий требуют еще некоторые лексические единицы.

Заключение

Таким образом, проведенное исследование дает основания для следующих выводов о типе данной языковой личности на основе лексического параметра.

1. Несмотря на ограниченный в количественном отношении материал анализа, можно утверждать, что отраженный в них словарный запас женщины характеризуется определенным разнообразием как в плане ее тематики, так и в частеречном отношении. Введение такого параметра, как индекс лексического разнообразия (отношение количества слов к числу словоупотреблений – 733 : 3 367), позволяет говорить о его более высоких показателях у женщины по отношению к проявленному в ОЛ словарному запасу его автора (982 : 8 777) – у нее 1 слово приходится примерно на 4,5 словоупотребления, а у старца – на 9. Это можно объяснить тем фактом, что женской руке принадлежат разного типа записи, не только дневниковые, но и по данным лишь КП, 1 слово приходится на 5,1 словоупотребления. Ее записи отличаются эмоциональностью (она открыто выражает свои чувства), чего практически нет в ОЛ, текст которого представлен в основном описанием погоды и хозяйственной деятельности – с ограниченным набором слов.

2. Данная личность является представителем народного типа культуры (диалектной ЯЛ), территориально маркированная часть лексикона которой

¹ Данная информация может быть дополнена следующими словарными материалами: неписьменный и неписьменный. Неграмотный (Брянск., Ворон., Курск.) [39, т. 21, с. 109].

в целом соответствует лексической подсистеме местных прикетских говоров. Наличие в ее словарном запасе уникальных лексико-фразеологических единиц может свидетельствовать о былой прищлости общины на Томский Север из других районов страны, сохранении в микросоциуме (в силу его традиционализма, добровольной самоизоляции) архаичной и областной лексики территории исхода общинников.

3. Эта личность может быть охарактеризована как конфессиональная ЯЛ, так как значительная

часть ее словарного запаса конфессионально маркирована, что объясняется замкнутым образом жизни старообрядцев, книжным типом культуры древлеправославия в целом и строгой приверженностью его представителей к религиозным традициям. Из идентифицирующих данное сообщество черт на лексическом уровне ярче всего проявляется эсхатологизм: ЖЗ являют истинно верующую представительницу народной культуры, остро ощущающую бытие и предчувствующую его трагический финал.

Список источников

1. Старикова Г. Н. О проекте «Томского старообрядческого словаря» (на материале бытовых текстов общинников) // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2012. № 4 (20). С. 46–57. DOI: 10.17223/19986645/20/5
2. Толстова Г. А. Старообрядческая конфессиональная лексика в письменной речи Агафьи Лыковой: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Кемерово, 2007. 28 с.
3. Никитина С. Е. О конфессиональных словарях и материале для их построения // Проблемы истории, филологии, культуры. 2011. № 3 (33). С. 429–433.
4. Черных А. В. Общие наименования старообрядцев в диалектной речи русского населения Пермского края // Известия Уральского федерального университета. Гуманитар. науки. 2020. Т. 22, № 1 (196). С. 141–155. DOI: 10.15826/izv2.2020.22.1.010
5. Черных А. В. Народная терминология старообрядческих согласий в русских традициях Прикамья: бегуны (странники) // Традиционная культура Т. 19, № 5. 2018. Спецвыпуск: Язык и традиционная культура. С. 97–108.
6. Словарь говоров старообрядцев (семейских) Забайкалья / Т. Б. Юмсунова и др.; под ред. Т. Б. Юмсуновой. Новосибирск: Изд-во СО РАН: Науч.-изд. центр ОИГТМ СО РАН, 1999. 539 с.
7. Паликова О. Н., Ровнова О. Г. Словарь говора староверов Эстонии. Книга для учащихся. Тарту, 2008. 160 с.
8. Малеча Н. М. Словарь говоров уральских (яицких) казаков: в 4 т. Оренбург: Оренбург. кн. изд-во, 2002–2003.
9. Старикова Г. Н. «Ходил по рыбу обыденкой»: Томский старообрядческий словарь. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2018. 104 с.
10. Ровнова О. Г. О проекте «Словаря говоров старообрядцев Южной Америки» // Исследования по славянской диалектологии. Вып. 19–20 / под ред. Л. Э. Калнынь. М., 1918. С. 188–201. DOI: 10.31168/0412-1.2.5
11. Королёва Е. Е. Диалектный словарь староверов Латгалии. Т. 1 (А–В). Рига: Институт староверия Латвии, 2017. 560 с.
12. Толстова Г. А. Словарь языка Агафьи Лыковой. Красноярск: Изд-во КГПУ им. В. П. Астафьева, 2004. 562 с.
13. Юмсунова Т. Б. Язык семейских – старообрядцев Забайкалья. М.: Языки славянской культуры, Studia philologica, 2005. 288 с.
14. Матанцева М. Б. Архаическая лексика в говорах старообрядцев (семейских) Забайкалья: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Барнаул, 1999. 21 с.
15. Дарбанова Н. А. Экспрессивная лексика говоров старообрядцев (семейских) Забайкалья: семантический, когнитивный и лексикографический аспекты: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Барнаул, 2000. 21 с.
16. Королёва Е. Е. Лексика прейльских говоров староверов (современное состояние) // Latvijas Universitates raksti. 2006. Vol. 707. Pp. 7–13.
17. Старикова Г. Н. Пространственно-временные координаты жизни старообрядческой общины (на материале «Островного летописца») // Классическая филология в Сибири: материалы VII Всерос. науч. конф. «Актуальные проблемы классической филологии и сравнительно-исторического языкознания» и регион. науч.-метод. совета по классической филологии. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2011. С. 111–122.
18. Подюков И. А. Особенности фразеологического состава пермских старообрядческих говоров // Вестник РУДН. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2020. Т. 11, № 2. С. 285–300.
19. Архипова Н. Г. Особенности лексической системы говоров старообрядцев (семейских) Амурской области // Вестник ОГПУ. Электронный научный журнал. 2015. № 3 (15). С. 83–90. URL: <http://www.vestospu.ru> (дата обращения: 20.11.2021).
20. Архипова Н. Г. Лексика пищи как системное образование в говорах старообрядцев (семейских) Амурской области // Слово: фольклорно-диалектологический альманах. 2013. № 10. С. 17–22.
21. Грязнова В. М. Говор казаков-некрасовцев Ставропольского края. М.: ЯСК, 2016. С. 49–579 с.
22. Сердюкова О. К. Лексика говора казаков-некрасовцев: исследование и словарь: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ростов н/Д, 1969. 26 с.
23. Пирманова Н. И. Лексика уральских казаков как базовая составляющая культуры уральского старообрядчества // Мир науки, культуры, образования. 2015. № 5 (54). С. 361–363.
24. Мызников С. А. О лексических особенностях говора яицких (уральских) казаков // Исследования по славянской диалектологии. Вып. 19–20 / под ред. Л. Э. Калнынь. М., 1918. С. 24–35. DOI: 10.31168/0412-1.1.3

25. Юмсунова Т. Б. Некоторые наблюдения над лексикой говоров старообрядцев штата Орегон США и Канады (синьцзянцы и харбинцы) // Актуальные проблемы русской диалектологии / под ред Л. Л. Касаткина. М., 2006. С.196–199.
26. Ровнова О. Г. Антропонимикон старообрядцев Южной Америки: традиция, специфика, эволюция // Маргиналии-2017: границы культуры и текста: тез. докладов междунар. конф. Торжок, 29 сентября – 1 октября 2017 г. М., 2017. URL: <http://uni-persona.sccc.msu.ru/site/conf/marginalii-2017/thesis.htm> [дата обращения: 03.01.2022].
27. Самойлова Ю. В. Русский островной говор старообрядцев села Николаевск (штат Аляска, США). Лексико-семантический аспект. М.: Спутник, 2000. 257 с.
28. Калюжина А. Ю. Своеобразие лексической системы говоров старообрядцев – реэмигрантов из Латинской Америки на Дальний Восток России // Молодежь XXI века: шаг в будущее. Материалы XXII региональной научно-практической конференции. Благовещенск, 2021. С. 100–101.
29. Ровнова О. Г. «Другие языки» в рукописной книге русского старообрядца из Южной Америки // Acta Slavica Estonica. Труды по русской и славянской филологии. Лингвистика. XVII. Свое и чужое в языке и речи. Тарту, 2016. С. 173–186.
30. Сердюкова О. К. Словарь говора казаков-некрасовцев. Ростов н/Д: Изд-во Ростов. ун-та, 2005. 320 с.
31. Семантический словарь говора казаков-некрасовцев с лингвокультурологическим комментарием / ред., сост. В. М. Грязнова. Ставрополь: Ставропольсервисшкола, 2012. 608 с.
32. Старикова Г. Н., Лю Си. Графика бытовых старообрядческих рукописей в аспекте конфессионального традиционализма // Вестник Томского государственного университета. 2021. № 470. С. 39–49. DOI: 10.17223/15617793/470/5
33. Старикова Г. Н., Лю Си. Женские записки в составе томской старообрядческой коллекции в аспекте лингвистической содер­жательности // Старообрядчество: история и современность, местные традиции, русские и зарубежные связи: материалы VII Междунар. науч.-практ. конф. (Улан-Удэ, 17–18 ноября 2021 г.) / науч. ред. А. П. Майоров; отв. ред. С. В. Бураева. Улан-Удэ: Изд-во БГУ, 2021. С. 205–217.
34. Котков С. И. Лингвистическое источниковедение и история русского языка. М.: Наука, 1980. 293 с.
35. Словарь русских старожильческих говоров средней части бассейна р. Оби: в 3 т. / под ред. В. В. Палагиной. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1964. Т. 1. 144 с.; 1965. Т. 2. 232 с.; 1967. Т. 3. 250 с.
36. Словарь русских старожильческих говоров средней части бассейна реки Оби: Дополнение: в 2 ч. / под ред. О. И. Блиновой, В. В. Палагиной. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1975. Ч. 1. 278 с.; Ч. 2. 290 с.
37. Среднеобский словарь: Дополнение: в 2 т. / под ред. В. В. Палагиной. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1983. Ч. 1. 189 с.; 1986. Ч. 2. 212 с.
38. Приль Л. Н. Аспекты старообрядческого дневника: «Божий мир» и «апостольская» община // Труды Томского государственного объединения ист.-архитектурного музея. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1996. Т. IX. С. 150–161.
39. Словарь русских народных говоров / под ред. Ф. П. Филина и др. Л. – СПб.: Наука, 1965.
40. Дополнение к «Опыту областного великорусского словаря». СПб.: Тип. Императорской Академии наук, 1858. 328 с.

References

1. Starikova G. N. O projekte «Tomskogo staroobryadcheskogo slovarya» (na materiale bytovykh tekstov obshchinnikov) [About the Tomsk Old Believer Dictionary Project (the material is community members' diaries)]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Philologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 2012, no. 4 (20), pp. 46–57. DOI: 10.17223/19986645/20/5 (in Russian).
2. Tolstova G. A. *Staroobryadcheskaya konfessional'naya leksika v pis'mennoy rechi Agaf'i Lykovoy. Avtoref. dis. kand. filol. nauk* [Old Believer confessional vocabulary in the written language of Agaf'ya Lykova: Abstract of thesis cand. of philol. sci.]. Kemerovo, 2007. 28 p. (in Russian).
3. Nikitina S. Ye. O konfessional'nykh slovaryakh i materiale dlya ikh postroyeniya [Confessional Dictionaries and Their Source Material]. *Problemy istorii, filologii, kul'tury – Journal of Historical, Philological and Cultural Studies*, 2011, no. 3 (33), pp. 429–433 (in Russian).
4. Chernykh A. V. Obshchiye naimenovaniya staroobryadtsev v dialektnoy rechi russkogo naseleniya Permskogo kraja [Common names of old believers in the dialect speech of the Russian population of Perm krai]. *Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Gumanitarnyye nauki – Izvestiya. Ural Federal University Journal. Series 2. Humanities and Arts*, 2020, vol. 22, no. 1 (196), pp. 141–155 (in Russian). DOI: 10.15826/izv2.2020.22.1.010
5. Chernykh A. V. Narodnaya terminologiya staroobryadcheskikh soglasii v russkikh traditsiyakh Prikam'ya: beguny (stranniki) [Folk terminology of old believers' consents in the Russian tradition of Prikamye: beguny (wanderers)]. *Traditsionnaya kul'tura: Yazyk i traditsionnaya kul'tura*, 2018, vol. 19, no. 5, pp. 97–108 (in Russian).
6. *Slovar' govorov staroobryadtsev (semeyskikh) Zabaykal'ya* [Dictionary of Old Believers' (Semeiskie) Dialects in Transbaikalia]. Ed. T. B. Yumsunova. Novosibirsk, SO RAN: Academic publishing center OIGGM Publ., 1999. 539 p. (in Russian).
7. Palikova O. N., Rovnova O. G. *Slovar' govora staroverov Estonii* [Dictionary of the Old Believers of Estonia]. Tartu, 2008. 160 p. (in Russian).
8. Malecha N. M. *Slovar' govorov ural'skikh (yaitskikh) kazakov: v 4 tomakh* [Dictionary of Ural (Yaik) Cossack Dialects]. Orenburg, Orenburgskoye knizhnoye izdaniye Publ., 2002–2003 (in Russian).

9. Starikova G. N. "Khodil po rybu obydenkoj": Tomskiy staroobryadcheskiy slovar' ["Obydenkoj (within one day) I went fishing": Tomsk old believers' dictionary]. Tomsk, TSU Publ., 2018. 104 p. (in Russian).
10. Rovnova O. G. O projekte "Slovara govorov staroobryadstev Yuzhnoy Ameriki" [About the project of the "Dictionary of the Old Believers' dialects in South America"]. *Issledovaniya po slavyanskoy dialektologii. Vyp. 19–20* [Research of Slavic Dialectology. Vol. 19–20]. Ed. L. E. Kalnyn'. Moscow, 1918. Pp. 188–201. DOI: 10.31168/0412-1.2.5 (in Russian).
11. Koroleva E. E. *Dialektnyy slovar' staroverov Latgalii* [Dialect Dictionary of Old Believers in Latgalia]. Vol. 1 (A–V). Riga, Old Believer Institute in Latvia Publ., 2017. 560 p. (in Russian).
12. Tolstova G. A. *Slovar' yazyka Agaf'i Lykovoy* [Dictionary of Agaf'ya Lykova's Language]. Krasnoyarsk, KSPU named after V. P. Astafiev Publ., 2004. 562 p. (in Russian).
13. Yumsunova T. B. *Yazyk semeyskikh – staroobryadstev Zabaykal'ya* [Language Semeiskie – Old Believers in Transbaikalia]. Moscow, Languages of Slavic Culture, Studia philological Publ., 2005. 288 p. (in Russian).
14. Matantseva M. B. *Archaicheskaya leksika v govorakh staroobryadstev (semeyskikh) Zabaykal'ya. Avtoref. dis. kand. filol. nauk* [Archaic vocabulary in the Old Believers' (Semeiskie) dialects of Transbaikalia. Abstract of thesis cand. of philol. sci.]. Barnaul, 1999. 21 p. (in Russian).
15. Darbanova N. A. *Ekspressivnaya leksika govorov staroobryadstev (semeyskikh) Zabaykal'ya: semanticheskiy, kognitivnyy i leksikograficheskiy aspekty. Avtoref. dis. kand. filol. nauk* [Old Believers' (Semeiskie) expressive vocabulary in Transbaikalia: semantic, cognitive, and lexicographic Aspects. Abstract of thesis cand. of philol. sci.]. Barnaul, 2000. 21 p. (in Russian).
16. Koroleva E. E. Leksika Preyl'skikh govorov staroverov (sovremennoye sostoyaniye) [Old Believers Vocabulary of Preily Area (Present-day State)]. *Latvijas Universitates raksti*, 2006, vol. 707, pp. 7–13 (in Russian).
17. Starikova G. N. Prostranstvenno-vremennyye koordinaty zhizni staroobryadcheskoy obshchiny (na materiale "Ostrovnoy letopistsa") [Space-time coordinates of life in the Old Believer community (on the material of the "Island Chronicler")]. *Klassicheskaya filologiya v Sibiri: materialy VII Vserossiyskoy nauchnoy konferentsii "Aktual'nyye problemy" klassicheskoy filologii i sravnitel'no-istoricheskogo yazykoznaneya i regional'nogo nauchno-metodicheskogo soveta po klassicheskoy filologii* [Classical Philology in Siberia: Proceedings of the VII All-Russian Scientific Conference "Current Problems of Classical Philology and Comparative Historical Linguistics" and the Regional Scientific and Methodological Council on Classical Philology]. Tomsk, TSU Publ., 2011. Pp. 111–122 (in Russian).
18. Podyukov I. A. Osobennosti frazeologicheskogo sostava permskikh staroobryadcheskikh govorov [Peculiarities of the phraseological composition in Permian old-believers' dialects]. *Vestnik RUDN. Teoriya yazyka. Semiotika. Semantika – RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 2020, vol. 11, no. 2, pp. 285–300 (in Russian).
19. Arkhipova N. G. Osobennosti leksicheskoy sistemy govorov staroobryadstev (semeyskikh) Amurskoy oblasti [The lexical system peculiarities of the Old Believers (Semeiskie) in the Amur Region]. *Vestnik OGPU. Elektronnyy nauchnyy zhurnal – Vestnik of Orenburg State Pedagogical University. Electronic Scientific Journal*, 2015, no. 3 (15), pp. 83–90 (in Russian). URL: <http://www.vestospu.ru> (accessed 20 November 2021).
20. Arkhipova N. G. Leksika pishchi kak sistemnoye obrazovaniye v govorakh staroobryadstev (semeyskikh) Amurskoy oblasti [Food lexicon as a systemic formation of Old Believers (Semeiskie) in the Amur Region]. *Slovo: fol'klorno-dialektologicheskyy al'manakh*, 2013, no. 10, pp. 17–22 (in Russian).
21. Gryaznova V. M. *Govor kazakov-nekrasovtsev Stavropol'skogo kraya* [Cossack-Nekrasovs' dialect in the Stavropol Territory]. Moscow, YASK Publ., 2016. Pp. 49–579 (in Russian).
22. Serdyukova O. K. *Leksika govora kazakov-nekrasovtsev: issledovaniye i slovar'. Avtoref. dis. kand. filol. nauk* [Vocabulary of the Cossack-Nekrasovs' dialect: research and dictionary. Abstract of thesis cand. of philol. sci.]. Rostov-on-Don, 1969. 26 p. (in Russian).
23. Pirmanova N. I. Leksika ural'skikh kazakov kak bazovaya sostavlyayushchaya kul'tury ural'skogo staroobryadchestva [The Ural Cossacks' vocabulary as a basic cultural component of the Ural Old Believers]. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya – The World of Science, Culture, and Education*, 2015, no. 5 (54), pp. 361–363 (in Russian).
24. Myznikov S. A. O leksicheskikh osobennostyakh govora yaitskikh (ural'skikh) kazakov [About the lexical peculiarities of the Ural Cossacks dialect]. *Issledovaniya po slavyanskoy dialektologii. Vypusk 19–20* [Research of Slavic Dialectology 19–20]. Ed. L. E. Kalnyn'. Moscow, 1918. Pp. 24–35. DOI: 10.31168/0412-1.1.3 (in Russian).
25. Yumsunova T. B. Nekotoryye nablyudeniya nad leksikoy govorov staroobryadstev shtata Oregon SShA i Kanady (sin'tszyantsy i kharbintsy) [Some observations on the Old Believers' vocabulary of Oregonians in the United States and Canada (Xinjiang and Harbin)]. *Aktual'nyye problemy russkoy dialektologii* [Current Problems of Russian Dialectology]. Ed. L. L. Kasatkin. Moscow, 2006. Pp. 196–199 (in Russian).
26. Rovnova O. G. Antroponimikon staroobryadstev Yuzhnoy Ameriki: traditsiya, spetsifika, evolyutsiya [The Anthroponymicon of Old Believers in South America: tradition, specificity, and evolution]. *"Marginalii-2017: granitsy kul'tury i teksta": tezisy dokladov mezhdunarodnoy konferentsii. Torzhok, 29 sentyabrya – 1 oktyabrya 2017 g.* ["Marginalia 2017: Frontiers of Culture and Text": abstracts of the international conference Torzhok, September 29 – October 1, 2017 *Torzhok, September 29 – October 1, 2017*]. Moscow, 2017 (in Russian). URL: <http://uni-persona.srce.msu.ru/site/conf/marginalii-2017/thesis.htm> (accessed 3 January 2022).
27. Samoylova Yu. V. *Russkiy ostrovnnyy govor staroobryadstev sela Nikolaevsk (shtat Alyaska, SShA). Leksiko-semanticheskiy aspekt* [Russian isolate dialect of the Old Believers in the Nikolaevsk village (Alaska, USA). Lexico-semantic aspect]. Moscow, Sputnik, 2000. 257 p. (in Russian).

28. Kalyuzhina A. Yu. Svoeobrazie leksicheskoy sistemy govorov staroobryadtsev – reemigrantov iz Latinskoy Ameriki na Dal'niy vostok Rossii [The peculiarity lexical system of Old Believers' dialects – re-emigrants from Latin America to the Russian Far East]. *Molodyozh' XXI veka: shag v budushcheye. Materialy XXII regional'noy nauchno-prakticheskoy konferentsii* [Youth of the XXI century: a step into the future. Materials of the XXII Regional Scientific-Practical Conference]. Blagoveshchensk, 2021. Pp. 100–101 (in Russian).
29. Rovnova O. G. “Drugiye yazyki” v rukopisnoy knige russkogo staroobryadtsa iz Yuzhnoy Ameriki [“Other Languages” in a manuscript book by a Russian Old Believer from South America]. *Acta Slavica Estonica. Trudy po russkoy i slavyanskoy filologii. Lingvistika. XVII. Svoyo i chuzhoeye v yazyke i rechi* [Acta Slavica Estonica. Works of Russian and Slavonic linguistics. XVII. The Foreign and the Native Language and Speech]. Tartu, 2016. Pp. 173–186 (in Russian).
30. Serdyukova O. K. *Slovar' govora kazakov-nekrasovtsev* [Dictionary of the Cossack-Nekrasov dialect]. Rostov-on-Don, RST Publ., 2005. 320 p. (in Russian).
31. *Semanticheskiy slovar' govora kazakov-nekrasovtsev s lingvokul'turologicheskim kommentariyem* [The semantic dictionary of the Cossack-Nekrasov dialect with a linguocultural commentary]. Ed. and comp. V. M. Gryaznova. Stavropol, Stavropol'servisshkola Publ., 2012. 608 p. (in Russian).
32. Starikova G. N., Liu Si. Grafika bytovykh staroobryadcheskikh rukopisey v aspekte konfessional'nogo traditsionalizma [Graphics of Old Believer household manuscripts in the aspect of confessional traditionalism]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*, 2021, no. 470, pp. 39–49. DOI: 10.17223/15617793/470/5 (in Russian).
33. Starikova G. N., Liu Si. Zhenskiye zapiski v sostave tomskoy staroobryadcheskoy kollektzii v aspekte lingvisticheskoy sodержatel'nosti [Women's notes from the Tomsk Old Believers' collection in the aspect of linguistic content]. *Staroobryadchestvo: istoriya i sovremennost', mestnye traditsii, russkiye i zarubezhnye svyazi: materialy VII Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii* (Ulan-Ude, 17–18 noyabrya 2021 g.) [Old Believ: History and modernity of local traditions Russian and foreign relations: materials of VII International scientific and practical conference (Ulan-Ude, 17–18 November 2021 g.)]. Ulan-Ude, BBST Publ., 2021. Pp. 205–217 (in Russian).
34. Kotkov S. I. *Lingvisticheskoye istochnikovedeniye i istoriya russkogo yazyka* [Linguistic source studies and the history of the Russian language]. Moscow, Nauka Publ., 1980. 293 p. (in Russian).
35. *Slovar' russkikh starozhilcheskikh govorov sredney chasti basseyna r. Obi: v 3 tomakh* [Dictionary of Russian old-time dialects from the Middle Part of the Ob River Basin: 3 volumes]. Ed. V. V. Palagina. Tomsk, TSU Publ., 1964. Vol. 1. 144 p.; 1965. Vol. 2. 232 p.; 1967. Vol. 3. 250 p. (in Russian).
36. *Slovar' russkikh starozhil'cheskikh govorov sredney chasti basseyna reki Obi: Dopolneniye: v 2kh chastyakh* [Dictionary of Russian old-time dialects from the Middle Part of the Ob River Basin: Supplement: in 2 parts]. Eds. O. I. Blinova, V. V. Palagina. Tomsk, TSU Publ., 1975. Vol. 1. 278 p.; Vol. 2. 290 p. (in Russian).
37. *Sredneobskiy slovar': Dopolneniye: v 2 tomakh* [Dictionary of the Middle Part of the Ob River: Addition: in 2 volumes]. Ed. V. V. Palagina. Tomsk, TSU Publ., 1983. Vol. 1. 189 p.; 1986. Vol. 2. 212 p. (in Russian).
38. Pril L. N. Aspekty staroobryadcheskogo dnevnika: “Bozhiy mir” i “apostol'skaya” obshchina [Aspects of the Old Believer's diary: “The World of God” and the “Apostolic” Community]. *Trudy Tomskogo gosudarstvennogo ob'yedineniya istoriko-arkhitekturnogo muzeya* [Scientific works of Tomsk State historical and architectural museum]. Tomsk, TSU Publ., 1996. vol. IX, pp. 150–161 (in Russian).
39. *Slovar' russkikh narodnykh govorov* [Dictionary of Russian folk dialects]. Eds F. P. Filin et al. Leningrad – Saint Petersburg, Nauka Publ., 1965 (in Russian).
40. *Dopolneniye k “Opytu oblastnago velikorusskago slovarya”* [Supplement to the Experience of the Regional Great Russian Dictionary]. Saint Petersburg, Tipografiya Imperatorskoy Akademii nauk Publ., 1858. 328 p. (in Russian).

Информация об авторах

Лю Си, аспирант, Национальный исследовательский Томский государственный университет (пр. Ленина, 36, Томск, Россия, 634050).

Старикова Г. Н., кандидат филологических наук, доцент, Национальный исследовательский Томский государственный университет (пр. Ленина, 36, Томск, Россия, 634050).

Information about the authors

Liu Si, postgraduate student, National Research Tomsk State University (pr. Lenina, 36, Tomsk, Russian Federation, 634050).

G. N. Starikova, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, National Research Tomsk State University (pr. Lenina, 36, Tomsk, Russian Federation, 634050).

Статья поступила в редакцию 16.02.2022; принята к публикации 29.03.2022

The article was submitted 16.02.2022; accepted for publication 29.03.2022